

Итак, ставка была сделана в начале сезона. Репертуар театра, все устремления творческого коллектива стали определяться интересами так называемого «среднего» зрителя. А что нужно «среднему» зрителю, зачем он приходит в театр? Ответ не вызвал особых сомнений. «Средний» зритель — человек трудящийся, после трудового дня он хочет отдохнуть, развлечься. Значит, нужна комедия. И в репертуаре Кустанайского областного драматического театра одна за другой появляются: «Судьба-индейка» — комедия А. Софронова, «Три соловья, доч 17» — комедия югославского драматурга Д. Добричанина, затем «Последние соловьи» — того же А. Софронова и детектив, то бишь репортаж в двух действиях Ю. Семенова «Петровка, 38».

Но даже «среднему» зрителю ничто человеческое не чуждо. Очевидно поэтому на афише появились другие названия: драма Ю. Шаврина «Разбуженная совесть», «Пигмалион» Б. Шоу и «На бойком месте» А. Н. Островского.

Все эти спектакли, за исключением «Пигмалиона», коллектив Кустанайского театра повез на гастроли по Целинному краю.

Какие же проблемы ставятся в спектаклях кустанайцев? Возьмем постановку, которая в самом театре считается наиболее значительной и удавшейся — «Разбуженная совесть» Ю. Шаврина. Драма написана актером по профессии. Он неплохо знает законы сцены, написанная им вещь — о том, как бывший вор и преступник Анатолий Сысоев, попав в крепкий и дружный коллектив рабочих парней, перевоспитывается, — не лишена занимательности. Но почти с первых картин возникает мысль — все, что происходит на сцене, уже где-то было. Было в пьесе «Два цвета», в «Иркутской истории», в «Заводских ребятах».

Явная эклектичность произведения Шаврина почти полностью исключает возможность создания ярких интересных характеров. Вот один из героев пьесы, Валентин (С. Попов). Комсорг, душевный парень, настоящий товарищ. Видно, для того, чтобы Валентин не казался «голубым», автор придумывает ему любовь к Альбине, девушке со скверной репутацией. Артистка И. Плотникова сделала все, чтобы вызвать отвращение к этому глупенькому, обиженному судьбой, существу. Она вульгарна, неестественна, вздорна, и поэтому пылкая влюбленность Валентина кажется чудачеством.

С. Попов — весьма озабоченный актер, его работы в других спектаклях дают основания это утверждать. И все-таки его Валентин не вызывает симпатии, его ни-

как не отнесешь к числу тех, с кого надо делать жизнь. Явная «голубизна» отличает и второго положительного героя пьесы — Федора Галай (артист А. Ветлугаев).

Федор любит Зорю, из-за которой остается на стройке Сысоев. Девушка отдает предпочтение бывшему вору, и волей автора Федор узнает это из уст соперника, который, мягко говоря, глумится над ним. Галай может сказать Анатолию — уходи из бригады, — но не делает этого. Не потому, что готов ради счастья Зори пожертвовать всем, и не потому, что он стал выше слова «мое». Его самоотречение — не более, чем воспитательный прием, он руководствуется словами «неудобно», «нехорошо». Это снижает впечатление от образа, сыгранного А. Ветлугаевым в ровной, сдержанной ма-

представления нередко слышится смех. В самом деле смешны претензии Ангелины, — так и хочется по старой памяти назвать ее Павлиной, — быть неограниченной властительницей влюбленного в нее Егора Горлышкина. Но кто, собственно, Ангелина? Оказывается, она передовой человек, к которому совсем не зря ездят учиться со всех концов люди, она и сейчас не живет прошлыми заслугами. Что касается смысла комедии, то он, считает режиссер, в преодолении культа личности.

Впрочем, ни первого, ни второго в комедии проследить нельзя. Нам ни разу не удается увидеть Ангелину на работе или хотя бы в рабочем костюме. Она, в основном, примеряет платья, уезжает на совещания или возвращается с них, а в перерывах собирается

шенно отбрасывать предисторию образа. Семен окончил школу, он не глуп, обладает чувством юмора, и вовсе ни к чему актеру коверкать речь, демонстрировать необразованность.

Стремление развлечь зрителя заметно снижает и без того небольшие достоинства инсценировки пьесы Ю. Семенова «Петровка, 38». К тому же иногда режиссеру изменяет чувство меры. Это особенно заметно в сцене разговора Самсоновых, в квартире Нади, в Загорске, у Прохора. Спектакль убедительно доказал, что, если характер одного хорошего чекмента, человека умного, чуткого, верящего в людей и готового помочь им, разделить на трюхи: комиссара милиции, подполковника и капитана, никто из трех от этого не выиграет. Правда, исполнители ролей Ф. Астров, С. Попов и особенно А. Киселев стремятся наиболее полно использовать имеющийся в их распоряжении материал, но он слишком невелик и ординарен.

Не все в спектакле вызывает возражение, в нем есть актерские удачи, режиссерские находки, пусть и небольшие. Искренний, впечатлительный Леся Самсонова (артист В. Дьяков) вызывает желание помочь ему. Сложный характер создан артистом С. Никулиным, хотя с его трагической образа Прохора можно поспорить. Сухим педагогом в чинушей оказывается дежурный лейтенант милиции (артист А. Ивашенко). Но в целом спектакль и не мог быть значительным — слишком слаб материал пьесы.

Когда артисты долго играют в плохих пьесах, они утрачивают мастерство. Положение это не ново, но спектакли кустанайцев еще раз заставляют его вспомнить. В спектакле «На бойком месте», поставленном режиссером М. Жуковским, не оказалось ярких характеров, многие из имеющегося в пьесе Островского исчезло. И лишь артистке Н. Назарковской в роли Аннушки удалось показать характер простой и искренней, смятенной души, омраченной вероломством и ложью. А в целом пьеса прочтена поверхностно, спектакль получился рядовым.

В жизни смешное и печальное, радостное и трагическое уживаются рядом. То же может произойти и на сцене. Но вряд ли будет пользоваться успехом театр, единственная цель которого — стремление развлечь зрителя. И не надо делать ставку на «среднего» зрителя — все равно он не существует.

Р. СЕРГЕЕВА,
сотрудник газеты «Ленинское
знамя».

Петропавловск.

В РАСЧЕТЕ НА «СРЕДНЕГО» ЗРИТЕЛЯ ТЕАТР

вере. Интересной могла стать сцена разговора Сысоева с Галаем, но артист А. Ивашенко (Анатолий) здесь явно неврастеничен, не убедителен.

Если большая жизненная правда подменяется правдой случая, факта, большого и взволнованного разговора о жизни не получится. События «Разбуженной совести» вполне вероятны, в спектакле есть интересные сцены, неплохие актерские работы. Например, Н. Заплатиной — Лялька, Ф. Астрова — Сорока, Э. Шахбазьяна — Гасанов, но в целом он не трогает, не волнует, вызывает лишь представление о виденном ранее.

То же самое можно сказать о другом спектакле кустанайцев — «Судьба-индейка». Конечно, не вина театра в том, что действующие лица этой комедии Софронова так утомительно похожи на те, с какими мы встречались в двух «Стряпухах», из которых одна замужем, а другая еще нет. Но не заметить этого невозможно. И, стало быть, театр, режиссер, принося пьесу к работе, на этом материале хотели создать вещь, нужную зрителям.

В зрительном зале во время

замуж. Сборы оканчиваются неудачей. Егор Горлышкин, оскорбленный грубоватой властью Ангелины, отдает предпочтение практикантке Лизе Чашкиной, более молодой и к тому же относящейся к Егору с ласковой сердечностью. Передовой Ангелине остается одно: раскаться и подарить купленный было на свадебное платье капрон счастливой Лизе.

Вот и все. А если учесть, что за редким исключением, все образы решены режиссером и артистами лобово, в одной краске, то становится понятна реакция зрительного зала к концу спектакля: веселый смех, веселые аплодисменты и не больше. Может быть, заносчивая, неумная женщина достойна осмеяния, но, право же, не понятно: при чем тут передовой бригадир, человек, всеми уважаемый? Зачем нужно показывать Егора Горлышкина прототипом, способным идти лишь туда, куда поведут его то Ангелина, то Лиза. Становится как-то неловко в С. Попова, который вынужден играть Семена Адамчика эталонным дурачком, способным спутать Степана с сондажами. Но нельзя же в поисках занимательности совер-